

Все утро Шэнь Юй был немного рассеян.

К счастью, занятия официально начнутся только после военной подготовки, и сегодня они в основном знакомились с кампусом, классом и группой и просто выполняли формальности.

Вчера вечером, представившись всем в классе, Шэнь Юй всё ещё не мог узнать многих своих одноклассников.

Как и в случае с его плохим чувством направления, у него также была лёгкая форма слепоты на лица.

Однако в университетской среде круг общения не ограничивается только группой, и возможность завести друзей во многом зависит от случая.

Шэнь Юй не планировал участвовать в большом количестве мероприятий в группе или в кампусе. После окончания военной подготовки ему всё равно нужно было продолжать работать неполный рабочий день, чтобы обеспечивать себя.

Ситуация в его семье была особенной, и он не мог претендовать на какую-либо финансовую помощь от университета. В конце концов, у Шэнь Лидэ была работа, и его мачеха тоже работала, так что они не были бедными. Просто они были особенно строги с ним.

Ему не нужны были их грязные деньги, и он даже не взглянул бы на них.

Единственное, на чем он хотел сосредоточиться, — это получение стипендии.

Помимо времени, потраченного на учёбу и подработку, у Шэнь Юя почти ничего не оставалось. Ему не нужны были лишние социальные контакты.

Во второй половине дня у Чэн Мофэя не было занятий, и у Шэнь Юя тоже ничего не было запланировано, поэтому он пошёл в аудиторию, где у Чэн Мофэя было последнее утреннее занятие, и подождал, пока тот закончит.

Потом они вместе пойдут в больницу.

В общежитии, помимо Шэнь Юя, ещё трое студентов были второкурсниками, изучающими финансы.

Рано утром Чэн Мофэй поделился их расписанием в групповом чате общежития.

Поскольку их специальности и годы обучения различались, время занятий тоже было разным.

Если бы они знали расписание друг друга, им было бы удобнее, ведь они все жили под одной крышей.

Шэнь Юй увидел в расписании номер кабинета Чэн Мофэя и направился туда.

Групповой чат в общежитии уже был создан ранее. Это была группа для них троих, и Шэнь Юй присоединился к ней после переезда.

Сяо Сюн был администратором группы, и после того, как Шэнь Юй присоединился к ней, он специально изменил название группы. Изначально она называлась «Прогресс выхода из одиночного статуса 1/3», но теперь была переименована в «Прогресс выхода из одиночного статуса 1/4».

В университете, где полно гормонов, поиск партнёра действительно считался «важным делом».

Шэнь Юй тоже старался изо всех сил.

Он стремился как можно скорее изменить название группы на «Прогресс выхода из одиночного статуса 3/4».

Шэнь Юй ещё не был знаком с Университетом Яньда, поэтому ему потребовалось некоторое время, чтобы найти аудиторию.

Этот предмет, который изучал Чэн Мофэй, был не основным, а факультативным. Сяо Сюн и Сунь Синхэ не выбрали этот предмет, поэтому Чэн Мофэй был единственным, кто его изучал.

Шэнь Юй тихо подошёл к задней двери аудитории и сразу же заметил Чэн Мофэя, сидевшего на последнем ряду.

Рядом с Чэн Мофэем сидел ещё один парень, вероятно, один из его друзей.

Время от времени парень поворачивал голову и общался с Чэн Мофэем. Он был очень высоким, с квадратным лицом, густыми бровями и ярко выраженными чертами лица, которые было легко узнать.

Прожив с Чэн Мофэем семь лет, Шэнь Юй познакомился со всеми его друзьями лично или по фотографиям. Этот человек не произвёл на него особого впечатления, так что, вероятно, он был просто знакомым Чэн Мофэя.

В университете у него было много обычных друзей, и почти сразу после выпуска они постепенно перестали общаться.

Потратив некоторое время на поиски пути, Шэнь Юй недолго ждал у задней двери аудитории, пока не прозвенел звонок, возвещающий об окончании занятия.

В университете редко случались опоздания на занятия, особенно на факультативы, подобные этому.

Как только прозвенел звонок, преподаватель сразу же объявил об окончании занятия.

Некоторые студенты нетерпеливо встали и ушли.

Чэн Мофэй тоже сложил свои книги в сумку, встал и обернулся, встретившись взглядом с Шэнь Юем за дверью.

Он был немного удивлён и невольно ускорил шаг, подойдя к Шэнь Юю и спросив:

— Почему ты ждёшь меня у класса?

Шэнь Юй ранее отправил ему сообщение о том, что они встретятся за обедом, а потом пойдут в больницу, но они планировали встретиться в общежитии, так как Шэнь Юю нужно было сначала отнести туда свои книги, так как они были довольно тяжёлыми.

Он не ожидал столкнуться с Шэнь Юем вне класса.

Шэнь Юй небрежно придумал оправдание:

— Я просто проходил мимо учебного корпуса, решил побродить и осмотреться.

Чэн Мофэй кивнул, не придав этому особого значения.

Позади него парень, который сидел рядом с ним на уроке, тоже подошёл, перекинув сумку через плечо.

Парень был даже выше Чэн Мофэя, примерно 195 см, и, судя по телосложению, он был спортсменом.

Не очень удобно было стоять и разговаривать у задней двери, так как это мешало другим студентам входить и выходить, поэтому они втроём направились к лестнице.

Пока они шли, высокий парень спросил:

— Ты правда не собираешься присоединиться?

Чэн Мофэй покачал головой.

— Мероприятия, организованные спортивным клубом, не нуждаются во мне. Приду я или нет, разницы нет.

Парень казался немного разочарованным.

— Я всё равно предпочитаю работать с тобой.

Чэн Мофэй улыбнулся.

— Не то чтобы мы больше не будем играть вместе.

Парень вздохнул.

— Ладно. Думаю, мы будем соперниками на осенних соревнованиях.

Чэн Мофэй ухмыльнулся.

— Тебе лучше усердно тренироваться, не отставай.

Обменявшись ещё несколькими словами, высокий парень попрощался с ними и пошёл в другую сторону, больше не идя с ними.

Шэнь Юй внимательно слушал, стараясь уловить каждое слово, но в итоге немного растерялся.

Заметив озадаченный взгляд Шэнь Юя, Чэн Мофэй дал простое объяснение.

Высокий парень действительно был студентом третьего курса из спортивного клуба, другом Чэн Мофэя, с которым он часто играл в баскетбол. Недавно они организовали товарищеский баскетбольный матч со спортивным клубом соседнего университета, и парень хотел пригласить Чэн Мофэя присоединиться.

Однако Чэн Мофэй отказал ему, хотя и не потому, что мероприятие было открыто только для студентов спортивного университета. Точная причина его отказа осталась неясной.

«Осенние соревнования», о которых говорилось позже, — это ежегодный осенний баскетбольный турнир в Университете Яньда, который проводится каждый год. Каждый

факультет отправляет команду для участия в соревнованиях, где команды соревнуются друг с другом в масштабах всего кампуса.

Шэнь Юй не мог не выразить своего недоумения.

— Почему ты отказал ему, брат Фэй?

К тому времени они вдвоём вышли из учебного корпуса и направились в общежитие.

Было около часа дня, и вокруг толпилось множество студентов, воздух был наполнен обрывками разговоров со всех сторон. Солнце светило прямо над головой, отбрасывая жаркие лучи, из-за которых толпа чувствовала себя почти задыхающейся.

Чэн Мофэй ответил не сразу. Он продолжал идти ещё несколько секунд, а затем внезапно наклонился и обнял Шэнь Юя за плечи. Он таинственно прошептал ему на ухо:

— Потому что в их команде есть гей.

Шэнь Юй: «...»

Действительно, число геев в спорте или искусстве часто было немного выше.

Чэн Мофэй продолжил:

— В прошлом семестре этот парень вдруг начал встречаться с другим парнем. Тогда-то я и узнал, что он гей. Почти каждый раз, когда мы играли, его парень приходил посмотреть, и они всегда были очень близки и вели себя так нежно... Я гомофоб, поэтому постепенно перестал с ними играть.

— ...Значит, вот как оно, — сказал Шэнь Юй, не отрывая взгляда от дороги.

Именно по этой причине.

Он хотел воспользоваться возможностью и задать несколько наводящих вопросов, например, почему Чэн Мофэй был гомофобом, но потом быстро понял, что такой вопрос был бы слишком странным.

Типичный гетеросексуальный мужчина не стал бы спрашивать другого гетеросексуального мужчину, почему тот гомофобен, и, если бы Чэн Мофэй заметил что-то странное, это могло бы привести к неловкой ситуации.

Кроме того, Шэнь Юй даже не знал, как подойти к этой теме.

..Это было действительно трудно.

Но спешить было некуда. Они «знали» друг друга всего два дня. Тот факт, что Чэн Мофэй был готов поделиться с ним чем-то подобным, уже был очень хорошим знаком.

Чэн Мофэй, должно быть, поделился этим, потому что действительно считал Шэнь Юя своим братом. Обычно он не стал бы рассказывать о таких вещах кому попало.

В конце концов, Шэнь Юй тоже доверял ему в личных вопросах, касающихся его семьи. Это означало, что он считал Чэн Мофэя человеком, которому он доверял и которого считал братом.

Хорошие братья должны понимать друг друга.

Боясь, что Чэн Мофэй может небрежно бросить: «Ты ведь не гей, да?», Шэнь Юй быстро сменил тему.

— Брат Фэй, что ты хочешь на обед? Я угощаю.

Чэн Мофэй, похоже, уже принял решение и сказал:

— Как насчёт лапши с курицей на втором этаже столовой? Я не ел её всё лето, и мне её очень хочется.

Шэнь Юй улыбнулся и согласился.

— Конечно.

Миска лапши с курицей стоила всего 11 юаней, вероятно, даже дешевле, чем тушёная свинина, которой вчера угощал его Чэн Мофэй.

Было немного неловко угощать Чэн Мофэя таким недорогим блюдом.

Шэнь Юй был неглуп — он понимал, что Чэн Мофэй заботится о нём, не желая, чтобы он тратил слишком много.

Ему нравилось, когда о нем заботился Чэн Мофэй.

От этого у него потеплело внутри.

Как и Чэн Мофэй, Шэнь Юй заказал себе такую же лапшу с курицей. Она была вкусной, и он съел всё до последней крошки.

Чэн Мофэй, сидевший напротив, улыбнулся, увидев, что Шэнь Юй доедает.

— Ты много ешь, но почему ты такой худой?

Шэнь Юй вытер рот и ответил:

— Раньше я плохо питался дома. Летом я подрабатывал и заработал немного денег, так что в последнее время я питаюсь лучше.

Как говорится, «где мачеха, там и отчим», и, более того, Шен Лидэ никогда не был с ним добр.

Позже, когда у Шэнь Лидэ и его мачехи родился ребёнок, семья старалась держать всю вкусную еду подальше от Шэнь Юя, как будто они боялись, что он может этим воспользоваться.

Каждый месяц Шэнь Лидэ клал небольшую сумму денег на карту питания Шэнь Юя, на которую тот рассчитывал, чтобы питаться три раза в день. Этого едва хватало, чтобы свести концы с концами.

К счастью, рис в столовой был бесплатным, и Фан Сян часто помогал ему, так что он никогда не голодал, хотя и был немного истощён.

За два месяца, прошедшие с момента его перерождения, он прилагал сознательные усилия, чтобы правильно питаться и восстановить силы. По сравнению с прошлой жизнью к этому времени он уже немного набрал вес.

Когда Чэн Мофэй услышал это, он на мгновение замолчал, и выражение его лица смягчилось.

— Прости.

Шэнь Юй беззаботно улыбнулся.

— Всё в порядке.

Он не возражал против того, чтобы показать Чэн Мофэю свои шрамы; на самом деле он надеялся, что Чэн Мофэй поймёт его лучше.

Когда Чэн Мофэй доел, Шэнь Юй встал и взял их пустые тарелки.

— Я выброшу их.

С этими словами он направился к стойке для мытья посуды в другой части столовой.

Когда он вернулся, Чэн Мофэй держал в руках два длинных ломтика нарезанной мускусной дыни и протянул один из них Шэнь Юю. Было ясно, что он купил её специально для него.

— Вот, съешь немного фруктов после еды, — сказал Чэн Мофэй, протягивая Шэнь Юю ломтик.

Шэнь Юй взял его и надкусил.

Вкус был сладким, освежающим и утоляющим жажду.

Не в силах сопротивляться, Шэнь Юй откусил ещё кусочек, и его щёки надулись, пока он быстро жевал.

Чэн Мофэй с удивлением наблюдал за ним.

Он действительно был похож на хомяка.

Хотя он никогда раньше не видел такого худого хомячка.

Хомяк, которого вырастила его двоюродная сестра, был практически круглым, как маленький мячик.

Выйдя из столовой, Чэн Мофэй заметил половинку арбуза, разрезанную и лежащую на столе у ближайшей фруктовой лавки. Он немного подумал и решил купить её.

Естественно, он не смог съесть всю половинку сам. Как только они вернулись в общежитие, он разрезал арбуз на несколько частей и поделился с остальными тремя.

Шэнь Юй взял самый большой кусок.

Покончив с арбузом, они оба ненадолго прилегли вздремнуть. Сменная работа в больнице начиналась в 14:00, поэтому они проснулись только в 13:30, чтобы собраться и отправиться в путь.

Перед уходом Чэн Мофэй сунул в карман два мандарина — один себе, а другой Шэнь Юю. Они

почистили и съели их по дороге.

Шэнь Юй с радостью принял фрукт, пребывая в хорошем настроении после жеста Чэн Мофэя.

Мандарины в этом сезоне были в основном кислыми, но мандарины Чэн Мофэя были сладкими.

Вторая народная больница города Яньчэн находилась всего в одной остановке метро от Университета Яньда.

Выйдя из автобуса, они прошли несколько сотен метров прямо, не переходя ни одной улицы, — это было совсем близко. Шэнь Юй уже заранее записался на приём к психиатру.

Шэнь Юй уже не в первый раз был во Второй больнице. У него было смутное ощущение дежавю, как будто он перемещался во времени. В конце концов, в своей прошлой жизни он прожил в городе Яньчэн много лет, и из-за слабого здоровья ему часто приходилось обращаться в больницу.

Шэнь Юй не любил больницы. Он ненавидел запах дезинфицирующих средств, и каждый визит ухудшал его настроение, даже несмотря на то, что Чэн Мофэй всегда сопровождал его.

Его плохое настроение было в основном следствием ухудшения здоровья, а ухудшение здоровья было связано с вредной работой, которую он устроился после окончания университета. Он ежедневно работал с различными химическими веществами.

Плата была большой, но это крайне вредило его здоровью.

Однако сейчас он просто немного похудел и слегка недоедал. При должном уходе он снова станет здоровым.

Не было необходимости так сильно бояться больниц.

Внезапно на его спину легла большая рука, и раздался голос Чэн Мофэя:

— Почему ты так напряжён?

Шэнь Юй: «...»

Шэнь Юй ускорил шаг, отстранившись от успокаивающего прикосновения к спине, и слегка покраснел.

— Я в порядке.

Чэн Мофэй улыбнулся и догнал его.

После всего, через что Шэнь Юй прошёл в своей прошлой жизни — пребывания в больницах, переездов из одной больницы в другую и химиотерапии, — этот страх глубоко укоренился в нём.

— Поторопись, лифт вот-вот закроется, — Шэнь Юй оглянулся на Чэн Мофэя, который всё ещё отставал.

Но было уже слишком поздно.

В конце концов им пришлось ждать следующего лифта.

Шэнь Юй украдкой взглянул на человека, стоявшего рядом с ним.

К счастью, на этот раз с ним был Чэн Мофэй.

Чэн Мофэй был хорошо знаком со Второй больницей. На первом курсе Сяо Сюна пришлось госпитализировать из-за аппендицита, а у Сунь Синхэ была инфекция глаз, и обоим пришлось обратиться во Вторую больницу. Чэн Мофэй сопровождал их обоих.

В конце концов, болезнь — это время, когда человек наиболее уязвим, и жить в одном общежитии, помогая друг другу, было вполне естественно.

Позже, когда зимой у него поднялась высокая температура, именно его соседи по комнате разбудили коменданта общежития посреди ночи, чтобы отправить его в больницу.

Психиатр был мягок и терпелив, он долго беседовал с Шэнь Юем.

Во время разговора Шэнь Юй не попросил Чэн Мофэя выйти из комнаты.

Он не беспокоился о том, что доктор может подслушать его секреты. В конце концов, настоящими секретами он не стал бы делиться ни с кем, даже с врачом.

Было бы глупо скрывать что-то от врача, но он просто не мог объяснить абсурдность своего перерождения.

Поскольку Шэнь Юй впервые оказался в новой обстановке, а лунатизм у него проявился совсем недавно, после осмотра врач не стал выписывать ему психиатрические препараты.

Он посоветовал Шэнь Юю отдохнуть и понаблюдать за ситуацией, не беспокоясь слишком сильно. Если лунатизм станет частым явлением, можно будет рассмотреть возможность дальнейшего лечения.

Первой реакцией Шэнь Юя на этот совет было облегчение — он копил деньги.

Лечение и лекарства стоили недешево, а у него было туго с деньгами.

Выйдя из больницы, Чэн Мофэй, заметив облегчение на лице Шэнь Юя, купил две порции ледяного творога с бобами, чтобы отпраздновать это событие.

Вместе с фруктами, которые он купил раньше, это уже покрыло 11 юаней, которые Шэнь Юй потратил на лапшу с курицей на обед.

Угощение оказалось напрасным.

Чэн Мофэй вырос в обеспеченной семье и был довольно беспечен в том, что касалось трат. Он никогда не беспокоился о мелочах и иногда даже «тратил деньги впустую», время от времени попадая на уловки гадалок.

Шэнь Юй, с другой стороны, был как горькая дыня, выросшая на грядке с горькими дынями. Несмотря на то, что он поступил в хороший университет и после выпуска получил высокооплачиваемую работу, он всё равно обычно не тратил деньги на себя.

Когда они впервые решили жить вместе, у них возникли небольшие разногласия по поводу ежедневных расходов.

В конце концов, после недолгих переговоров они пришли к компромиссу: Шэнь Юй будет распоряжаться деньгами, а Чэн Мофэй будет получать фиксированную ежемесячную выплату. Чэн Мофэй больше не разрешалось тайно ходить к гадалкам.

Почти все гадалки предсказывали им долгий брак, но в итоге именно он ушёл первым.

Когда они шли к станции метро, наслаждаясь ледяным творогом, Чэн Мофэй вдруг толкнул его локтем.

— Эй, там гадалка. Пойдём посмотрим.

Шэнь Юй: «...»

Шэнь Юй изо всех сил старался подавить в себе желание «прочитать лекцию» Чэн Мофэю,

думая, что это неуместно, ведь они только что «познакомились», и было бы слишком властно с его стороны вмешиваться.

Он молча последовал за ним к будке гадалки.

Не говоря ни слова, Чэн Мофэй просканировал платежный код.

— Что бы вы хотели узнать, господин? — спросила гадалка.

— Я не уверен. Вы сами можете решить, что мне сказать, — небрежно ответил Чэн Мофэй.

У Шэнь Юя начала болеть голова. Только что доев творог с бобами, он поискал мусорный бак, чтобы выбросить остатки.

Когда он вернулся, то услышал, как гадалка говорит Чэн Мофэю:

— Красная звезда в движении; в этом году у вас будет много цветущих персиков.

Шэнь Юй не смог удержаться от усмешки про себя.

Красная звезда ассоциируется с браком и романтическими отношениями, но Чэн Мофэю было всего 19 лет, он был намного младше установленного законом брачного возраста. Знания гадалки явно устарели.

Шэнь Юй решил, что гадалка, должно быть, сказала это, потому что Чэн Мофэй был красив.

Расстроенный Шэнь Юй не хотел ничего говорить. Он отвернулся и безучастно уставился на улицу, наблюдая за проезжающими машинами.

К счастью, сеанс гадания вскоре закончился. Чэн Мофэй встал, подтолкнул его, и они вместе направились к входу в метро.

Стоя на эскалаторе, ведущем на минус первый этаж, Чэн Мофэй внезапно заговорил:

— Ты думаешь, я суеверен?

Шэнь Юй ответил:

— ... Не совсем.

Чэн Мофэй, казалось, заметил неискренность в его ответе и медленно объяснил:

— Когда я учился во втором классе средней школы, у моей бабушки диагностировали рак. Она ходила по больницам в Китае и за границей, и все говорили, что ситуация не очень хорошая. Они сказали, что она может не дожить до конца года, поэтому мы не осмеливались сказать ей правду.

— Моя бабушка была немного суеверной. Ей нравилось воскуривать благовония, молиться и предсказывать судьбу. В то время она нашла так называемую очень точную гадалку, которая предсказала ее продолжительность жизни. Гадалка сказала, что она проживет по крайней мере еще двадцать лет без каких-либо проблем.

— Моя бабушка верила в это.

Дыхание Шэнь Юй слегка участилось.

— Значит, она?..

На самом деле он уже знал ответ.

Много лет спустя он встретил бабушку Чэн Мофэя, и она даже подарила ему большой красный конверт.

Чэн Мофэй сказал:

— Она всё ещё жива, и у неё всё хорошо. Её состояние под контролем, и она перенесла самые сложные операции. Я каждую неделю нахожу время, чтобы навестить её. Врачи тоже были поражены, но иногда вера может быть невероятно сильной.

— После этого, когда бы я ни встречал такую будку, я иногда тоже захожу погадать. На самом деле я в это не верю. Некоторые из них могут быть мошенниками, но другие, возможно, передают чувство веры. Это всего несколько десятков юаней, так что я считаю, что вношу свой вклад в экономику...

— Эй, почему ты плачешь?

— Мы почти спустились с эскалатора. Давай ты первый, иди первым, не упави снова.

Поддерживаемый Чэн Мофэем, Шэнь Юй выпрямился, сойдя с эскалатора, но его тело всё ещё покачивалось.

Слезы неудержимо навернулись ему на глаза и потекли вниз.

Шэнь Юй неловко опустил голову и вытер лицо, но от этого слёзы, казалось, только сильнее потекли.

Он всегда был оптимистом, но при этом пессимистом. Его здоровье никогда не было крепким. Его оптимизм проистекал из робости и страха смерти, а пессимизм — из того факта, что жизнь всегда была сопряжена с болью.

Когда он впервые встретился с Чэн Мофэем, он часто болел и шутил, что ежедневное воздействие опасных химических веществ на работе может привести к его ранней смерти.

И в конце концов, его слова сбылись.

Он не мог точно вспомнить, когда именно понял, что у Чэн Мофэя есть привычка время от времени обращаться к гадалкам, эта «суеверная причуда».

Он лишь помнил, что, когда он «покритиковал» его за это, Чэн Мофэй лишь усмехнулся и не стал ничего объяснять. Вместо этого он показал ему предсказания гадалок, которые утверждали, что их брак продлится долго.

Он до сих пор помнил, что после того, как ему поставили диагноз «рак», Чэн Мофэй тайно сходил ещё раз к гадалке. Гадалка снова сказала, что их брачная линия длинная.

Но он не слушал. Он не верил.

Оказалось, что Чэн Мофэй никогда по-настоящему не верил в эти вещи.

Чэн Мофэя хотел только... Только...

Хотел дать ему надежду.

Надежда на то, чтобы жить хорошо, на то, чтобы цепляться за жизнь.

<http://bllate.org/book/14329/1269204>